

автор: Насонов Иван Андреевич
Президентский физико-математический лицей № 239
11-6 класс, г. Санкт-Петербург
руководитель:
Амфилохиева Мария Вальтеровна, учитель литературы

Красный отец

Было раннее утро. Степь только начала просыпаться, но всю уже звенела и пела разными голосами, рассказывая, какое чудесное начало у нового дня. Только резкие крики орлов где-то в вышине нарушали эту беспечность. Дул северный ветер, пригибая всевозможные травы к земле. На краю маленькой станицы, раскинувшейся у небольшой речки, стоял дом Прохора Тереньтева. Ростом в три аршина и весом в восемь пудов он был самым сильным человеком в этой станице. На спор мог ударом кулака проломить череп быку. Его плечи могли легко переносить самые большие брёвна. Поэтому он сам построил свой дом за неделю, без всяких помощников. Сосед его, которого звали Василием, был бывшим фронтовиком, прошедшим Германскую войну. Он всегда удивлялся могучести Прохора. Говорил, что даже на фронте не встречал таких рослых людей.

Вечерами, сидя под благоухающими яблонями, они наблюдали закаты золотого солнца и разговаривали о мирских делах. Василий был слаб, но умен. Помогая Прохору с покупками плуга, инструментов, кирпичей для печи, он делал необходимые расчеты и никогда не брал деньги с Прохора, поскольку считал, что деньги могут разрушить их дружбу, которой он так дорожил. Он выписывал все счета на листе и отдавал Прохору, объясняя, как и где купить нужную ему вещь, чтобы затратить меньше сбережений, которых и так было немного. Прохор, в свою очередь, всегда помогал Василию с пахотой и со строительством дома. Оба жили в душевном достатке и счастье. В то утро Прохор сладко зевнул, потянулся и, желая умыться, пошел к колодцу. Спустя минуту студеной и свежей вода стекала с его могучего лица, покрытого глубокими морщинами, похожими на ущелья, густо струясь и затекая за рубаху, приятно холодила ровную грудь. Он еще раз окинул взглядом степь, потом обширный двор, который сам обустроил в течение года, глубоко и грустно вздохнул и пошел к дому Василия. Застав его за завтраком, он тихо сказал:

– Надумал. Сегодня под вечер поедем.

Сосед понимающе кивнул и ответил:

– Понял тебя. Всё сделаю.

Прохор вышел и направился к своему дому.

Помнил ли он? Конечно, помнил. Не мог забыть, что обещал сегодня сходить на рыбалку своему пятилетнему сыну Митроше.

– Пап, а пап, давай на рыбалку ходим, ну пожалуйста! Гриша уже ходил, а я еще нет, – канючил он всю неделю, пока не выпросил заветного отцовского обещания, которое всегда твердо и надежно, как рука отца после пахоты.

Прохор помнил об этом, поэтому пошел в сарай, чтобы приготовить снасти и приманку для рыбы. Проходя мимо большого дома, он постучал в окно, которое уже давно пора было помыть, поскольку одному Богу известно было, как через него еще проникал свет в жилище. Услышав босые шлепки ног по деревянному полу и поняв, что сын проснулся, Прохор зашел в сарай. Резкий запах старья и пыли ударил в его ноздри. Так пахнут комнаты престарелых людей, которые почти прожили свой век. Этот сарай строил еще его дед, и строил добротнo, на много лет вперед, словно чувствуя, что именно в этот день понадобятся снасти, которые хранились здесь уже очень давно. Взяв снасти, Прохор направился в дом. Когда он вошел, то, увидев сына, хотел было улыбнуться, но сразу же сильно раскашлялся.

– Все это из-за курева, – сказал Митроша, но, поймав строгий взгляд отца, сразу добавил, – мне так Гриша говорил. Сказал, мол, его батя тоже кашлял сильно, а потом слег. А когда вызвали врача, то уж и духу в нем не было, а врач-то этот сказал, что это все из-за курева поганого, и не велел Грише курить.

– И что же Григорий?

– Все курит, молвит, что сказки это все, что его батя старый слишком был, вот и помер, а вовсе не от курева.

– Курит? Он же всего на 4 года тебя старше!

– Не знаю, может, брешет, а может, и нет. Кто его знает.

– А батяка его был не старым, врет он. Ему всего 37 было. Чуть старше меня...

Наступило неловкое молчание. В комнату вошла жена Прохора – Ксения. Она подняла свой бездонно-глубокий взгляд на мужа. В её глазах светилась истинная красота женщины, за которую Прохор полюбил её. Их сын был воплощением безмерной любви двух людей, которые не могли жить друг без друга. Митроша любил садиться напротив отца, когда тот читал газету, и расспрашивать о том, что писали. Прохор читал ему вслух все статьи и сразу же дополнял прочитанное своим мнением. Когда отец заканчивал чтение, он вставал со словами:

– Ну что же, Митроша... Отдохнули, почитали, побеседовали. Теперь пора делом заниматься.

После этого он шёл во двор и начинал работать. Прохор был работающим и трудолюбивым человеком, не привыкшим отдыхать. Если всё было сделано, то он шёл к жене и помогал ей по дому. Считал, что если у мужа нет дел, то он должен помогать своей жене, чем бы она ни занималась. Работая вместе, они укрепляли семью, а это было самое важное для них.

С недавних пор Прохор состоял в партии большевиков. Перед тем, как вступить, он долго думал и советовался с Василием, стоит ли делать это. Василий, как многие мужики, не имел однозначного мнения на этот счёт, однако придерживался мысли, что всё само разрешится и не стоит спешить с рискованными действиями. Но голоса партийных агитаторов так красочно рисовали будущую жизнь, где его сын будет на равных со всеми и не будет иметь нужды ни в чём, что Прохор сдался.

Мужики не одобрили его выбор, однако авторитет Прохора в станице был значительным – он помогал не только Василию, а всем, кто просил помощи, поэтому они посмотрели на его поступок сквозь пальцы. Но когда стали расстреливать тех станичников, которые были не согласны с новой политикой, то мужики не выдержали. Они приходили к Прохору два раза. Первый раз просили подсобить им с ходатайством о помиловании уважаемых всей станицей людей и хотели, чтобы Прохор вышел из партии. Но выйти из партии он наотрез отказался, а смерть нескольких человек смог отсрочить лишь на три дня. После расстрела мужики пришли во второй раз. Сурово смотрели они на него исподлобья, а потом сказали:

– Мы тебе, Прохор, ничего сейчас не сделаем, но знай, что ежели заберут еще людей, мы войну начнём. И ты первым будешь.

Через месяц их всех забрали и в станицу, они больше не вернулись.

Однажды вечером, сидя под яблоней, Василий сказал Прохору:

– Ты, Прохор, собирайся. Мужики не на шутку озлобились на красных, а на тебя и подавно. Полагают, что предал ты их. Думки у них нехорошие на твой счёт. Уезжать тебе надо. На север, да куда подальше. За твоим хозяйством я присмотрю, ты не бойсь. Письмо мне напишешь от имени брата моего, чтобы я адрес знал. Когда тут всё успокоится, я тебе черкану письмецо – и приедешь обратно зараз. Будешь дальше жить.

Прохор долго смотрел в зеленую траву и думал. Наконец ответил:

– Я подумаю, Вась. Ты, конечно, дело говоришь, да вот только смогу ли я на такое долгое время уехать?

– Ну, ты сам смотри. Если чего надумаешь, скажешь мне. Всё устроим.

На том разговор и кончился.

А на следующее утро Прохор пришёл к соседу и сказал, что уедет вечером.

Сын допивал воду, отец раскладывал снасти.

– Ты хлеб-то ел? – спросил он.

Митроша покраснел, и промолчал.

– Чего ж ты не ешь-то его? Хочешь рыбам приманкой пойти заместо мух? Ешь давай, еще благодарствовать будешь, что хлебом кормил я тебя.

Он отвернулся, но услышав, как сын разгрызает зачерствелый кусок ржаного хлеба, тихо улыбнулся.

– Нам мухи нужны будут, поди налови, а то так и просидишь за столом до обеда, – сказал Прохор, поняв, что хлеб доеден.

Митроша вышел из-за стола и пошел к окну. Под ним всегда было несколько мух. Некоторые – дохлые и сухие, в некоторых еще колебалась жизнь, но ее легко можно было оборвать, отвернув им блестящие головы, чем он и стал заниматься. Ему было любопытно видеть, как после отрезания тонким ногтем головки мухи обезглавленное туловище еще трепыхается по столу, перебирая лапками.

На рыбалку вышли поздно, как считал отец, и слишком рано, как думал Митрий. Ему хотелось еще подавить мух и понаблюдать за ними, но отец, поняв, что сын уже не дело делает, а развлекается, пресек это занятие легким, но неожиданным подзатыльником. Митроша понял, что передавит сейчас всех мух и ловить в следующий раз будет не на что.

Они спокойно шли по пыльной утрамбованной дороге. Митроше было приятно держать отца за руку, идти по сухой земле босыми ногами и чувствовать, как песчинки щекочат пальцы ног. Он поднимал глаза на чистое бирюзовое небо и был счастлив, понимая, что идет с отцом на долгожданную рыбалку. Он уже представлял, как будут они удить и как отец поймает большую рыбу. Такую большую, что все станут охать и ахать, когда они будут идти по станции домой. А Гришка вовсе загнется от зависти.

Митроша огляделся. Степь томно дышала. Ветра почти не было. Только иногда пробежал легкий ветерок по степи, пригибая растения к сухой разомлевшей земле. Степь накрывало лазоревым пологом ясное небо, в середине которого до боли в глазах сияло яркое безгрешное солнце.

Вдруг его взгляд привлекла толпа людей, которые смотрели в их сторону. Вопросительно посмотрев на отца, он заметил, как дрогнула его скула. Отец внимательно взгляделся в толпу и, вероятно что-то заметив, повернулся к сыну. Он заглянул в его зеленые глаза и сказал:

– Митроша, я крючки забыл взять. Видишь, какой забывчивый стал. Ты можешь сбегать быстро? Твои ноженьки лучше моих бегают, это точно. Они в сарае...на полке...ты найдешь. Иди быстрее, а то совсем опоздаем.

Сын, посмотрев на отца внимательным взглядом, немного помедлил, но увидев в глазах отца серьёзность и тревогу, промямлил немного дрогнувшим голосом:

– Зараз принесу, – и легко побежал домой.

К Прохору молча подошли люди. Серые лица их были серьезны и чужды прекрасному утру. Толпа сурово обступила его. Прохор видел в чьих-то руках топор, но его это не пугало. Он сильно выделялся из толпы. С виду можно было

подумать, что отец пересчитывает детей по головам, такими низкими были люди, которые смотрели снизу вверх на его потное от зноя лицо.

К нему вышел мужик.

– Тебя, Прохор, все знают и все уважают. Но нам не нравится, что, живя со всеми, ты пользуешься своей властью во вред родной станице. Убиты уже боле двадцати мужиков. Убиты, Прохор! Их не сажают в тюрьмы, не дают выбора и права жить. Что же это за власть такая, которая губит своих же людей? Я хочу, чтобы...

– Мерзавцами они были! – перебил его Прохор.

– Да как ты смеешь, вошь поганая? К тебе люди с просьбой пришли, а ты их под пули поставил!

– С приказом они пришли братец, с приказом. Говорили, что убьют меня, коли я зараз не выйду из партии. А я тверд в своих убеждениях и не предаю их. Будущее за партией большевиков, я знаю это. А кто восстанет супротив нее, тот погибнет. Тебе может не нравиться власть, но клеветать ты не смей!

– Ах вот как ты заговорил, краснюк! Братцы, он же нас всех на плаху сдаст! Вяжите его!

С этими словами он неожиданно ударил Прохора в живот. Прохор согнулся от резкой боли, его повалили и связали за несколько секунд. Опять заговорил мужик, ударивший Прохора.

– Ну что, сукин сын, теперь-то ты выйдешь из партии? Понимаешь же, что, ежели не выйдешь, убьем мы тебя. Согласись по-хорошему, пока делов не натворили.

Прохор взглянул в глаза мужика. Они горели черным бесовским огнем, желавшим только одного – крови. Прохор мгновение подумал и ответил, металлически чётко выговаривая каждое слово, глядя в его маленькое злобное лицо:

– Я от партии не отрекись. Не за того принимаешь.

Сказал он и плюнул в лицо мужика. Тот взбесился.

– Вешайте его! Он вас всех убьёт, коли отпустим. Настучит на всех, коли не убьём.

Толпа сначала нехотя начала гудеть, но через несколько минут стали доноситься крики:

– Верно, настукает. И всех под пули поставят. А коли зараз убьём, не хватятся они его. Мало люда пропадает, что ли?

– Может, и припугнём их, так меньше забирать будут...

После этого толпа загудела громче, всколыхнулась и понесла Прохора к дереву. Кто-то побежал за веревкой.

– Повесим его, и дело с концом! – доносились чьи-то голоса из беснующейся толпы.

Прохора пробил холодный пот, и тело его вздрогнуло.

– Братья, да вы что?...Что вы?...Не казните, Бога ради! Не берите тяжкий грех на душу сгоряча...

Толпа, не слушавшая его слова, сказанные как будто во всепоглощающую пустоту и произнесённые дрожащим голосом, гудела, как разворошённый улей, и неслась вперёд к роковому дереву, стоящему на отшибе станицы.

– Василий! Ты что же? Помоги, братец, молви хоть словечко. Шестую-то не нарушай!

Василий взглянул на Прохора. Потное, красноватое лицо его дёрнулось. Он опустил иступлённый взгляд, порождённый общим стремлением толпы, и, взглянув на Прохора уже новым, исходившим от голубых, цвета ясного неба глаз, начал пробиваться к нему, отталкивая беснующихся людей. Приблизившись к соседу, он заглянул прямо в его глаза и, вероятно, уловив то холодное дыхание смерти, которое чувствовал ежедневно на Германской войне, тихо, чтобы никто не расслышал, сказал:

– Прости, не могу, соседушка. А то меня с тобой рядышком вздёрнут.

Сердце Прохора сжалось, и вся кровь ударила ему в голову. Молящими глазами посмотрел он на Василия, а тот, поняв, что он хочет сказать ему, прошептал над его ухом:

– Возьму твоего Митрия, помогу всем, чем смогу. Сберегу твою семью.

И сразу, словно стыдясь своих слов, вышел из толпы и медленно пошёл от реки к дому, думая о чём-то своём.

Прохора подвели к дереву. Оно стояло, широко раскинув ветви, как будто пытаясь обнять всех этих людей, которые подошли к его могучему стволу. Дерево тянулось к лазурному безгрешному небу и ясному чистому солнцу, которые, казалось, сейчас низко нависли над ним. Казалось, ещё чуть-чуть – и они воссоединятся с ним, но корни дерева были глубоко в земле, и она крепко держала его, не давая возвыситься к прекрасному и вечному. Это был старый дуб, заставший времена правления Лжедмитрия I, видевший много горя и ужаса за свои три века жизни. Наверное, поэтому он выглядел равнодушным к тому, что происходило под его широкой, зелёной и раскидистой кроной. Дуб мирно благоухал, не обращая внимания на людей, и томился под обжигающими лучами полуденного солнца, лучи которого проникали сквозь ветви дерева и падали на сухую, требующую воды землю.

Через ветку перекинули лямку, на конце которой покачивалась под слабым дуновением южного ветра петля. Под веткой поставили бочку. Толпа выкинула Прохора к рукам двух мужиков, которые попытались поднять его, но не смогли. Тогда один из них сказал, сурово глядя снизу вверх на несчастного:

– Поднимайся сам, а коль не захочешь - срубим тебе голову прямо здесь. Не велика птица.

– А ты руби, раз можешь.

– Поговори мне тут, сукин сын!

Мужик отвернулся от него и пошёл в толпу.

Прохор встал перед бочкой и хотел шагнуть, но не смог. Ноги налились свинцом и не слушались его.

– Ну! Живей давай, чёрт! – крикнул второй мужик и опустил большой, размером с голову младенца, кулак на голову Прохора.

Очнувшись, Прохор собрал все мысли и поднялся на бочку. Он начал оглядывать толпу, которая заметно увеличилась за счёт зевак.

«Только бы не Ксения с Митрошей. Только бы они не видели этого», – последнее, о чём он подумал перед тем, как мужик выбил бочку под радостные крики толпы.

Линь мгновенно затянулся на толстой шее, и Прохор ощутил резкую боль. Он чувствовал, как верёвка сдавливает его горло, не давая вдохнуть воздух, и до крови царапает кожу. Несчастный открыл рот, пытаясь вдохнуть, но смог только прохрипеть. Лицо его начало наливаться тёмной синью. Он всё ещё хрипел, и его тело извивалось, дёргая верёвку, которая из-за этого затягивалась сильнее. Налитые кровью глаза начали вылезать из орбит, как будто хотели оглядеть всех людей, некоторые из которых внезапно притихли. Взгляд его бешено скользил по каждому человеку, словно ища виновного в мучениях тела. Из толпы слышались всхлипы детей. Бабы запричитали:

– Господи помилуй, что же делается?

Лицо повешенного становилось мертвенно-синим, но тело ещё дёргалось. Из-за большого веса верёвка растянулась, поэтому Прохор начал доставать землю носками ног. Он беспомощно водил ими по пыльной почве, пытаясь облегчить страдания.

По молчаливой толпе мужиков и бежавшим от этого места бабам с детьми можно было понять, что здесь происходит ужасная, не имеющая смысла, казнь.

Вдруг толпа расступилась, пропуская к дереву Ксению.

– Изверги! Что с Прошей сделали, бесы! Будьте прокляты, сукины дети! – на бегу выкрикивала она.

Её не трогали, молча провожая злым, потупленным в землю взглядом.

– Проша, дорогой мой, родимый, миленький!

Она упала к его ногам, которые все чертили на земле какие-то фигуры. Поднялась, поддерживая его могучее тело, хотела помочь ему, но не могла. Ксения стояла, обнимая мужа, и плакала от бессилия.

Вперёд выступил человек, одетый в красную рубаху.

– Ну всё, пора кончать представление, а то больно затянулось.

Сказав это, он вскинул руку, в которой был наган, и выстрелил в голову Прохора. Рука дрожала, пуля попала в шею. Вторая - в глаз. Он лопнул и начал

стекать по лицу и рубашке, которая только этим утром была мокра от чистой колодезной воды, а теперь пропитывалась кровью. Пуля вышла через затылок, и кровь выплеснулась на землю, окропив её. Ксения закричала и сползла тихо к земле, на которую лилась алая кровь, лужей растекаясь под казнённым. Волосы её стали красными, как и юбка. Она лежала ничком, уткнувшись скривившимся лицом в мокрую от крови землю. Плечи тряслись в лихорадке. Руки сжали багряную почву так сильно, что из неё каплями полилась рдяная жидкость. Потом она встала и, как будто во сне, медленно пошла к дому.

– К мосту... К мосту идтить надо... Нет жизни мне больше... – бессвязно шептала она.

Ксения не была уже властна над собой. Она зашла в дом, взяла мешок и верёвку. Пошла к мосту. Возле реки подняла камень, положила в мешок, связала мешок и шею верёвкой, взошла на середину моста так же медленно, как некоторое время назад поднимался Прохор на бочку. Встала на середину и кинулась в воду.

Речка была неглубокой, поэтому ноги Ксении выступали из воды. Голова же была где-то на дне, рядом с камнем. Ноги немного подёргались, вспенивая красноватую от пропитавшейся кровью Прохора одежды несчастной воду, и успокоились, мирно выпрямившись по тихому течению реки, уносящей страшные события в незримую даль.

К вечеру решено было закопать тела Прохора и Ксении рядом с кладбищем. Их сложили на землю рядом друг с другом. Выпученный глаз Прохора смотрел в поблёкшие очи Ксении.

Рядом с ними стоял Василий. Его взгляд был суров и печален. Он долго думал о чём-то, не замечая людских действий вокруг себя. Время как будто остановилось для него. В лучах заходившего солнца чётко вырисовывалась его щуплая фигура, стоявшая над двумя телами людей, которые некогда были живыми. Наконец он сказал мужикам, которые хотели уже нести их к кладбищу:

– Сыну-то их дайте попрощаться.

– Так он покеда прощаться будет, уже стемнеет. Как хоронить будем? По ночному кладбищу шарахаться?

– Ежели боитесь, то я сам закопаю.

– А тела как отнесешь, святоша? В одном Прохане пудов семь весу буде, а можь и больше. Так ещё и Ксения...

Василий махнул рукой.

– Идите, копайте яму, а я пока мальчика найду и приведу туда.

Василий пошёл к дому Терентьевых. Ярко-алый закат полыхал огромным пожарищем на горизонте. Солнце бросало снопы оранжевых лучей на маленькую станицу. Свет проходил сквозь дым, шедший из печных труб домов,

где жёны готовили еду своим мужьям. Дети играли под последними лучами уходящего в закат солнца, плескаясь в корыте с дождевой, подгнившей немного водой. Щедро откормленный с крестьянской руки кот, сладко потягиваясь, грелся под вечерним солнцем. Сквозь всё это шёл задумчивый Василий, контрастно выделяющийся своей сутулой фигурой на этом живительном фоне.

Подойдя к хорошо знакомому дому, он отворил калитку. Было тихо. Только куры кудахтали в курятнике, да изредка мычали три коровы в хлеву. Он зашёл. Лишившийся хозяина и хозяйки двор зашелестел листьями яблонь и боязливо, как сирота, потускнел. Всё здесь было пропитано грустью. Даже трава уныло пригнулась к земле, словно вдова, скорбящая о великой утрате.

Василий зашёл в дом. В сенцах стоял резкий и приятный запах зверобоя и других степных трав, висевших под потолком. Пройдя в комнаты, Василий увидел большой, добротный сделанный стол, на котором виднелись крошки хлеба. В красном углу стояла икона Смоленской Божьей Матери. Перекрестившись на икону, Василий обошёл комнаты опустевшего дома. Всё, что имело ценность, перенёс в свой дом. Даже белые кружевные занавески, подаренные когда-то на свадьбу Ксении и Прохору бабкой жены, аккуратно завернул в чистый платок. Окинул взглядом комнату и, заметив на комодке фотокарточку, бережно вытащил её и положил в карман. Под конец Василий снял икону и опустил её в свою сумку.

Он зашёл в сарай. В углу, под грудой старых, пахнущих плесенью вещей сидел Митроша, тихо всхлипывая.

– Ты чего здесь сидишь, Митрош?

– Дак меня Гриша обидел. Сказал, мол, нет больше у меня бати с мамкой. Убили их.

– И ты поверил?

– Поначалу-то нет. Знаю, что брехун он ещё тот. Наврал, что на рыбалку ходил, а сам в воду ступить боится. Сам говорил, что не держит его вода. Как же тут поверить? Я ему сказал, мол, зачем он брешет. Знаю же я, что мама моя у соседки, а батя сейчас придёт. Тут он рассмеялся и говорит, что я век могу их дома прождать, а они не вернуться, потому что сам видел, как моего батю вешали, а маму из воды мёртвую баграми вытаскивали. Я и решил дождаться их дома. Прихожу, а нет никого. Я в сарай, и в сарае пусто. И тут, дядь Василий, так внутри сомкнуло, что я решил здесь посидеть.

– Плакал небось?

– Нет, дядь Вась. Это пыли тут много, глаза сами плачут.

Сказав это, Митроша украдкой вытер необсохшие слёзы.

– Ясно всё с тобой, брат, – грустно вздохнул Василий, – пошли, попрощаешься кое с кем.

Митроша встал. Зарёванное лицо его было грязно. Остались светлые следы слёз на сером, испачканном пылью лице.

– Э-э-э, малец, так не годится. Пошли умоемся.

Протянув это своим бархатным басом, Василий вышел из сарая. После умывания дождевой водой из бочки сразу посвежело и стало легче. Митроша, держа Василия за руку, пошёл к кладбищу, тихонько семеня по прохладной земле. Шли молча.

Кладбище находилось в версте от станицы и стояло на небольшом возвышении. Митроша вопросительно посмотрел на соседа.

– Крепись, малец. Ты за этот год старше Григория станешь.

Подожли к кладбищу. Два мужика сидели на горке рыхлой, недавно выкопанной земли и густо курили, отгоняя надоедливую мошкарку.

– Пришли, е... – резко бросил бородатый мужик, вставая с земли и бросая в яму недокуренную сигарку. Василий оборвал его:

– Ты тут не ругайся. Место-то святое, как-никак.

– Святое оно-то святое, может быть. А вот люди далеко не святые, раз такое с человеком сделали.

Он кивнул на два тела, накрытые рогожкой.

– Я пока ждал вас, посмотрелся на лица их. Теперь во сне будут приходить, спать не давать, пока сорок дней не пройдет.

Наступило неловкое молчание. Все воспроизводили в мыслях события сегодняшнего дня.

Наконец второй мужик сказал, выдыхая:

– Ну, мы пойдем, Василий. Нас уже жёны заждались. Ты сам закопаешь этих, ладно?

Василий кивнул.

– Лопату завтра занесёшь. Ну, бывай.

Мужики ушли. Василий и Митроша остались одни.

– Ну, Митрий, прощайся, – сказал Василий, сдергивая с тел рогожку.

Мгновение Митрий стоял, не понимая, что перед ним. Потом он подошёл ближе и вгляделся в изуродованное лицо отца. Перевел взгляд на мать. Он толкнул мать, думая, что она спит, но когда из её рта потекла вода, он отпрыгнул. Начиная понимать, что перед ним его родители, которые только сегодня утром целовали его и гладили по курчавой голове, Митрий содрогнулся. Слёзы полились у него из широко раскрытых глаз. Он ещё раз подошёл к отцу и, сказав: «Бать, а бать, пошли на рыбалку, ты же обещал», пихнул тело отца. Из пустой глазницы его вылетела изумрудная муха и, громко жужжа, полетела прямо на Митрия. Закричав не своим голосом, он побежал от этого ужасного места.

– Вот и попрощался, – вздохнул Василий и, аккуратно спустив тела в яму, начал закапывать.

А Митрий всё бежал и бежал, не оглядываясь. Слёзы заливали глаза, сочились по щекам, попадали в искривлённый рот. Он чувствовал солёный вкус горьких слёз и сплёвывал их на бегу. Вдруг нога зацепилась за камень, и Митрий, упав ничком на влажную холодную землю, зарыдал ещё сильнее. Он плакал и плакал. Внутри него всё сжалось настолько, что ему было больно. Мальчик перевернулся на спину и стал смотреть на бескрайнее тёмно-синее небо, по которому важно и неспешно плыли облака.

«Вот облако-дом, – подумал Митрий. – А вот это похоже на дерево»...

Разум мальчика был убит горем и, поэтому цеплялся ко всему, что могло отвести от мыслей, доставляющих страдание.

«А это...это...» Он увидел облако, похожее на двух людей, прижавшихся друг к другу, а чуть подальше плыло облако, напоминавшее ребенка.

Митрий вскочил и бросился к реке. Добежав до неё, он упал на мягкую траву под берёзой и зарыдал. Его слёзы пропитывали без того влажную землю.

Никем не утешаемый плач сироты раздавался над рекой, которая равнодушно принимала в себя все горькие жалобы маленького и беззащитного человека, лежавшего на траве под лазорево-бирюзовым небом, таким же спокойным и неизменным, как этим утром, когда Прохор и Ксения были живы. И некому было пожалеть этого человека, кроме зелёных серёжек берёзы, которые легонько поглаживали его голову под тихими порывами северного ветра.